

А.А. Фокин

«Смех в зале»: комическое на партийных съездах (1950-1960-е гг.)¹

Отечественную историю XX в. невозможно отделить от «истории партии». Деятельность РСДРП(б) – РКП(б) – ВКП(б) – КПСС оказывала огромное воздействие как на внутреннюю ситуацию, так и на внешнюю политику страны. В советское время учебная дисциплина и академические структуры, связанные с этой темой, выполняли идеологические функции. За время господства советской власти в рамках изучения истории КПСС была проделана большая работа по сбору фактического материала, которую не стоит игнорировать. В постсоветский период «история партии» приобрела разоблачительный характер, главными темами стали преступления отдельных партийных лиц или системы в целом. В последнее время начался период активной публикации архивных материалов, посвященных партийной истории, прежде всего, серии «Архивы Кремля» и «Документы советской истории» издательства РОССПЭН². Однако даже в новейших исследованиях по этому направлению³ приоритеты по-прежнему отдаются политической истории, в то время как более новаторские методы, давно опробованные в других областях исторического знания, остаются невостребованными.

Данная статья посвящена анализу функций смеха на партийных съездах, что позволит установить точки соприкосновения между «историей партии» и «историей эмоций». История эмоций – одно из самых сложных для исследователей научных направлений, поскольку предмет изучения находится одновременно в двух плоскостях. С одной стороны, эмоции есть продукт человеческой физиологии и, следовательно, должны быть отнесены к естественным наукам, с другой – эмоции имеют социально обусловленные рамки, а это переводит их в поле гуманитарных дисциплин. Как отмечает Я. Плампер, историки, в основной своей массе, не знакомятся с работами естественников из первых рук, но даже если они решатся к ним обратиться, то в силу недостатка квалификации не смогут дать им адекватную оценку⁴. В данной работе внимание сосредоточено не на физиологической природе, а на социальном конструировании смеха, как он выполнял функцию поддержания эмоционального режима советской власти. Стоит оговориться, что смех сам по себе является маркером эмоции, а не самой эмоцией. У. Редди предлагает использовать термин «эмотив» (emotive)⁵.

Изучение смеха имеет длительную традицию, уже в Античности появляются работы, посвященные этой теме. В трудах Платона, Аристотеля, Цицерона формируется первая теория, утверждающая агрессивный характер смеха и видящая основной источник удовольствия от юмора во внезапном возвышении субъекта комического над объектом. В новое и новейшее время горячими апологетами этой теории являлись Т. Гоббс, Ч. Дарвин, Ч. Грюнер, В. Пропп и т.д. З. Фрейд считается создателем теории облегчения, он и его последователи утверждают, что суть смеха – в удовольствии от разрядки нервной энергии и обмане внутреннего цензора. Многие философы, такие как И. Кант, А. Шопенгауэр, А.

Бергсон, видели в смехе результат несовпадения наших ожиданий, сформированных нашим жизненным опытом и нашими установками, с реальностью. Значительное влияние на развитие представлений о смехе и комическом оказала работа М. Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса», идеи карнавализации, смеховой культуры, мениппеи прочно вошли в научные теории. Обобщая современное состояние исследований смеха, Л. Раппопорт выделяет несколько доминирующих направлений. Во-первых, проблемы, связанные с индивидуальной и личностной реакцией на юмор. Во-вторых, тематический диапазон и структурные особенности комических актов (главными темами выступают секс, агрессия и отношения между людьми и между группами). В-третьих, различные применения юмора в повседневной жизни, например в терапевтических целях, когда смех выступает как лекарство⁶. Отдельно можно выделить ряд работ, которые затрагивают тему взаимодействия смеха и юмора с политикой⁷. Но данные работы, прежде всего, посвящены юмору как форме сопротивления.

Изучая политический юмор в советскую эпоху, исследователи обращают внимание на фольклорные жанры – анекдот и частушку, рассматривая их как сопротивление режиму или, по крайней мере, снятие избыточного идеологического давления⁸. В рамках государственно-партийного использования юмора и комического наиболее изучены визуальные репрезентации как способ дискредитации и формирования образа врага⁹.

Из всего многообразия теоретических подходов для данного исследования наибольший интерес представляет понимание смеха как социальной практики, которая выполняет функцию создания единства. Оно может быть внутренним: смех сплавливает людей, например, в акте заразительного смеха. Но единство может быть и внешним, когда участники коллективного акта смеются над тем, кто находится за пределами их сообщества. Это близко к теории агрессивного смеха, которая излагалась выше. Еще раз отметим, что смех выступает маркером эмоции, а их спектр может быть весьма обширным.

В качестве основного источника для изучения темы выступают стенограммы заседаний съездов КПСС. Наряду с заседаниями Верховного Совета СССР, партийные съезды были одними из наиболее важных публичных политических мероприятий советской эпохи. Съезд должен был консолидировать партийную линию и продемонстрировать всему миру партийное единство. Поэтому именно на съездах можно было увидеть использование социальной разновидности юмора – «смех в зале». Данная ремарка – одна из наиболее часто встречающихся в текстах стенограмм, количественно она уступает только приветственным возгласам и аплодисментам. Такая статистика показывает важность данных эпизодов в официальном дискурсе, поскольку ремарки, специально и сознательно фиксируемые в печатных изданиях, призваны были продемонстрировать читателям наличие на съезде конкретных эмоций в ответ на определенные слова докладчика. Репрезентация смеха, таким образом, проходила двойной контроль: первоначально на самом съезде, а затем во время подготовки публикации. В данной статье рассматривается письменное выражение смеха через двойную систему культурной фильтрации. В дальнейшем источниковая база может быть дополнена аудиовизуальными материалами, которые позволят наблюдать непосредственную эмоциональную реакцию.

Отметим, что смех и комическое для советского руководства всегда было нормой и привычным явлением. Смех не воспринимался как неподобающая эмоция, напротив, умение шутить и смеяться ставилось в заслугу. Первым в этом ряду, конечно же, стоит В.И. Ленин, который, возможно, и заложил основы использования смеха как большевистского оружия в политической борьбе. В своей статье Л. Абрамян рассматривает Ленина как трикстера¹⁰, а связь трикстера с юмором и смехом прослеживается достаточно хорошо на материалах различных культур. Даже без таких сложных аналогий образ В.И. Ленина в сознании современников был связан со смехом. Приведем одно из самых известных высказываний по этому поводу. М. Горький в своих воспоминаниях пишет: «Никогда я не встречал человека, который умел бы так заразительно смеяться, как смеялся Владимир Ильич. Было даже странно видеть, что такой суровый реалист, человек, который так хорошо видит, глубоко чувствует неизбежность великих социальных трагедии, непримиримый, непоколебимый в своей ненависти к миру капитализма, может смеяться по-детски, до слёз, захлёбываясь смехом. Большое, крепкое душевное здоровье нужно было иметь, чтобы так смеяться ... Он любил смешное и смеялся всем телом, действительно "заливался" смехом, иногда до слёз. Краткому характерному восклицанию "гм-гм" он умел придавать бесконечную гамму оттенков, от язвительной иронии до осторожного сомнения, и часто в этом "гм-гм" звучал острый юмор, доступный человеку очень зоркому, хорошо знающему дьявольские нелепости жизни»¹¹. В дальнейшем образ Владимира Ильича в воспоминаниях, художественной литературе, кинематографе тоже был связан с юмором и смехом. В данном случае смех, неотделимый от народной смеховой культуры, показывает и близость В.И. Ленина к массам, и «избранность» вождя, скрывающего глубокую мудрость за хитрым прищуром. Ленин как бы раздваивается в смехе, одновременно сближаясь с народом и возвышаясь над ним.

Линия активного использования юмора в политической деятельности была продолжена И.В. Сталиным. В литературе бытует множество отсылок к реальным и выдуманым высказываниям Сталина, демонстрирующим его чувство юмора. Можно даже говорить о том, что складывается представление об особом «сталинском остроумии». При этом диапазон этого остроумия простирался от жестокости до скромности и доброты. Приведем несколько примеров его высказываний: «За все нынешние и будущие грехи подвесить Брюханова за яйца; если яйца выдержат, считать его оправданным по суду, если не выдержат, утопить его в реке»¹². «Сталин приехал на спектакль в Худ. театр. Его встретил Станиславский и, протянув руку, сказал: "Алексеев", называя свою настоящую фамилию. "Джугашвили", – ответил Сталин, пожимая руку, и прошел к своему креслу»; «При разработке автомобиля «Победа» планировалось, что название машины будет «Родина». Узнав об этом, Сталин иронически спросил: «Ну и почему у нас будет Родина?»; «Однажды Сталину доложили, что у маршала Рокоссовского появилась любовница и это — известная красавица-актриса Валентина Серова. И, мол, что с ними теперь делать будем? Сталин вынул изо рта трубку, чуть подумал и сказал: – Что будем, что будем... завидовать будем!»¹³. Можно вспомнить и известную фотографию И.В. Сталина, когда он, приложив большой палец к носу, а мизинец вытянув вперед, демонстрирует комичный жест в объектив фотоаппарата. «Сталинское остроумие» в основном применялось или в узком кругу соратников или при общении с лидерами иностранных государств, то есть в закрытых

сообществах. Возможно, это был один из элементов культа «скромного большевика», который, по мнению Я. Плампера, сознательно создавался в 1920 – 1930-е гг.¹⁴. Если говорить о публичном смехе, то в ходе XVIII съезда было отмечено 90 случаев общего смеха, из них 11 во время выступления И.В. Сталина¹⁵, тогда как на X съезде РКП(б) (1921 г.) всего 37 ремарок со значением «смех». При этом право публичного смеха не было закреплено исключительно за И.В. Сталиным, ремарки «смех в зале» можно обнаружить в опубликованных стенограммах выступлений как высшего руководства, так и простых делегатов.

Н.С. Хрущев в своей политической карьере тоже старался активно использовать чувство юмора, только в отличие от «сталинского остроумия» и «ленинского лукавства» Никита Сергеевич тяготел к простому, народному юмору. Одним из символов хрущевского периода стали шуточные высказывания про «кузькину мать» и «мы вас похороним». Также в визуальных репрезентациях Н.С. Хрущева больше отсылок к смеху, чем у И.В. Сталина.

Несколько известных фотографий показывают Никиту Сергеевича смеющимся, например, журнал «Life» за 5 октября 1959 г. поместил фотографию смеющегося Хрущева на обложку. Даже один из самых известных эпизодов хрущевской внешней политики, который сейчас воспринимается как конфуз, в 1961 г. преподносился как проявление остроумия советского руководства. Вот как об этом говорилось на XXII съезде КПСС: «Может быть, это и шокировало дипломатических дам западного мира, но просто здорово было, когда товарищ Н.С. Хрущев однажды, во время одной из провокационных речей, которую произносил западный дипломат, снял ботинок и начал им стучать по столу. (*Бурные аплодисменты. Смех*). Всем сразу стало ясно: мы решительно против, мы не хотим слушать такие речи! Причем Никита Сергеевич Хрущев ботинок положил таким образом (впереди нашей делегации сидела делегация фашистской Испании), что носок ботинка почти упирался в шею франкистского министра иностранных дел, но не полностью. В данном случае была проявлена дипломатическая гибкость! (*Смех. Бурные аплодисменты*)»¹⁶.

Во время нахождения Н.С. Хрущева на высшем партийном посту прошло три съезда КПСС, которые нельзя назвать рядовыми. За почти 10 лет Никите Сергеевичу несколько раз удалось отстоять свои руководящие позиции, выступить с осуждением «культа личности» и объявить о том, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме». Это были XX, XXI и XXII съезды КПСС, которые прошли соответственно в 1956, 1959 и 1961 гг. В стенограммах данных съездов удалось обнаружить 114 фрагментов, где фигурирует ремарка о смехе. Необходимо отметить, что иногда ремарка «смех в зале» присутствует несколько раз в одном абзаце, тогда ремарки рассматриваются как единый акт комичного, например, эпизод из выступления М.А. Шолохова: «Вы — вежливый человек, Никита Сергеевич, ну, а меня, как говорится, бог обидел, лишил этого драгоценного качества, а поэтому разрешите мне с грубоватой прямоотой спросить у Вас в свою очередь: может ли ослабнуть то, чего нет? (*Смех, оживление в зале, аплодисменты*). И можно ли оторваться от того, за что не держишься? (*Смех, аплодисменты*)»¹⁷. Интересно, что в выступлениях Михаила Александровича на всех трех съездах присутствует юмор. Как представитель писательского цеха Страны Советов, он должен был демонстрировать

мастерство слова, в том числе и комического. Так, в одном из своих выступлений М.А. Шолохов прямо заявил о необходимости смеха в советской литературе¹⁸. Особенностью ремарки «смех в зале» является ее коллективный характер. Индивидуальные эмоции отдельного человека стенографистами не фиксировались. Даже смех первых лиц партии не находил свое отражение на страницах материалов съезда. В качестве исключений можно рассматривать первые, дореволюционные, съезды РСДРП, когда в некоторых случаях фиксировался ленинский смех как «контраргумент» против его идейных противников, да и то в более поздних воспоминаниях. В.И. Ленин смеялся отдельно, то есть против кого-то, а на съездах ВКП(б) – КПСС смеялись вместе, то есть за. Это является еще одним подтверждением тезиса о позиционировании смеха как дисциплинирующего и спланивающего фактора.

Важным вопросом является природа смеха участников съезда: был ли он спонтанным или готовился заранее. На мой взгляд, он имел рациональную природу и был связан с социально-политическим контекстом, те же самые фразы, произнесенные в другом месте, могли и не рассмешить делегатов. Они знали, когда и над чем смеяться, возможно, основная масса ориентировалась на эмоциональную реакцию лидеров общественного мнения. Можно даже сказать, что делегаты умели «смеяться по-большевистски», осознанно реагируя на определенные смысловые маркеры. Ораторы, в свою очередь, сознательно или неосознанно использовали комические приемы в своих выступлениях, стараясь вызвать у слушателей необходимую реакцию. Все это можно рассматривать как указание на определенную подготовку партийным аппаратом «смеха в зале». Но в архивных документах, посвященных подготовке съездов, не отложились факты сознательных действий по работе с аудиторией. Возможно, такие практики носили неформальный характер и не оставили следа в партийном делопроизводстве. Хотя я считаю, что в большинстве случаев смех не был искусственным. Делегаты съезда искренне смеялись, выражая тем самым поддержку выступающему оратору. В связи с этим отмечу, что очень часто с ремаркой смеха соседствует ремарка об аплодисментах. В 89 случаях смех и аплодисменты идут парой в стенограммах трех партийных съездов. Аплодисменты сложно трактовать вне контекста одобрения выступлений; конечно, в советской истории есть прецеденты «захлопывания», но в более поздний исторический период. Следовательно, аплодисменты и смех в зале выражали один и тот же спектр политических эмоций – солидаризацию с политической линией и остальными участниками.

Анализ смыслового контекста, в котором раздавался смех на партийных съездах, свидетельствует о том, что большинство фраз, вызвавших такую реакцию, носили критический характер. Выступая с разоблачениями или обвинениями, ораторы нередко выставляли своих противников в комическом свете. Неслучайно одобрителный смех – довольно редкое явление среди делегатов. В стенограммах трех съездов можно найти всего около 5 примеров, когда слова выступающего были встречены одобрителной реакцией в виде смеха. Для наглядности приведу оба варианта смеха: 1) «Хорошо сказал об этом комбайнер Михайловской МТС Сталинградской области тов. Игнатов: «Вот уже тринадцатый год я изучаю в кружке историю партии. Тринадцатый раз нам толкуют пропагандисты о бунде. Да разве у нас нет дел поважнее, кроме критики бунда? (Смех)»¹⁹. 2)

«Это в известной мере объясняется отсутствием разработанного порядка отзыва депутатов. Что касается порядка отзыва депутатов Верховного Совета СССР, то проект соответствующего закона подготовлен и будет внесен на утверждение Верховного Совета СССР, что все депутаты должны намотать себе на ус. (*Смех, аплодисменты*)»²⁰. Если «одобрительный» смех выступал как аналог аплодисментов или оваций, то «разоблачительный» обнажал проблемы и срывал маски, открывая глаза на происходящее. Он, как выкрик ребенка в сказке Г.Х. Андерсена, обнаруживал, что король голый. «Разоблачительный» смех имел две стороны: 1) оружие против того, на кого он был направлен; 2) выражение солидарности с критикой из уст докладчика.

Обращаясь к «разоблачительному» смеху, следует выделить отдельный объект для высмеивания – иностранные государства и отдельные политические лидеры. Находясь в условиях «холодной войны», партийные деятели и прежде всего Н.С. Хрущев уделяли большое внимание освещению международной ситуации и обоснованию преимущества социалистической системы перед капиталистической. Поэтому часто с трибуны съезда сыпались остроты в адрес политических противников: «В конце своей фальшивки он [Кларенс Мэннинг (*Clarence Augustus Manning*) – А.А.] призывает западных партнеров американского империализма оторвать Украину от Советского Союза. Как говорится в украинской поговорке – “Вольно псу лаять и на луну”, она от этого не померкнет. (*Смех*)»²¹; «Аденауэр является лидером христианско-демократической партии. Казалось бы, он должен руководствоваться евангельскими поучениями, о которых так много любят распространяться в его партии. (*Смех в зале*)»²²; «В беседах в США я говорил, что как коммунист сожалею, что в Америке так мало коммунистов, но ничем помочь им не могу. (*Смех, аплодисменты*)»²³; «Английские империалисты долго, очень долго находились в Индии, но они плохо научились понимать по-индийски. (*Смех, аплодисменты*)»²⁴. Интересно, что подобное использование юмора характерно не только для советских коммунистов, есть пример, когда иностранный делегат успешно рассмешил партийную публику: «У нас в Швейцарии, и прежде всего в немецкой Швейцарии, антикоммунизм стал главным политическим оружием буржуазии и лидеров правой социал-демократии. Антикоммунистическая истерия принимает самые невероятные и гротескные формы. Примером этому может служить запрещение Давиду Ойстраху выступать в Цюрихе, крупнейшем городе Швейцарии. Его игра на скрипке объявлялась коммунистической пропагандой. (*Смех. Оживление в зале*)»²⁵. Высмеивание – частый прием в международных играх, можно вспомнить и письмо казаков турецкому султану, и высказывания И.В. Сталина, которые приводились выше. Смех означает символическую победу над противником в духе известной поговорки: «Хорошо смеется тот, кто смеется последним». Можно вспомнить и слова А.В. Луначарского из его эссе, посвященного смеху: «Смех – признак победы»²⁶.

Еще одной особенностью апеллирования к смеху на трех указанных съездах было активное использование пословиц и поговорок: «Свинья петть соловьем не может»; «Велика хмара, та малий дощ»; «Сам лежить у калюжі, а кричить – не бризкай!»; «Собака лаєт, а караван ідет»; «Кто ложится спать с собаками, рискует встать с блохами»²⁷ и т.д. Интересно, что смех порождали не только русские поговорки, но и фольклорные тексты других народов СССР, при этом часть из них была на языке оригинала, но даже языковой барьер не мешал

делегатам смеяться в нужных местах. Ранее говорилось о том, что советский официальный юмор выполнял функцию сближения с народом, показывал, что руководство и страна говорят на одном языке. Фольклор в этом плане - удачный инструмент, отсылающий к «народной мудрости» и обыденной смеховой культуре. Возможно, значительное влияние на практику использования простонародного юмора в политической риторике оказывала личность Н.С. Хрущева, выходца с Украины, который сохранял элементы культурной самобытности, не скрывал своего «пролетарского происхождения» и часто прибегал к грубой, просторечной лексике.

Среди проявлений смеха на партийных съездах рубежа 1950 – 1960-х гг. следует выделить отдельный блок, связанный с выступлением детских коллективов. Смех, который вызывали эти выступления, должен был быть рекреационным, расслаблять делегатов после длительных заседаний. Дети играли роль амбивалентных комиков: с одной стороны, они выпадали из взрослой «серьезной» политики, но с другой, по принципу «устаи младенцев глаголет истина», в своих выступлениях воспроизводили наиболее важные для нее темы.

«Рассказать мы вам должны / С кукурузой мы дружны, / Порою большим / Наступают на пятки / Пионерские наши початки. (Смех, аплодисменты). А я хочу быть дипломатом! Но, наверное, тогда / От СЕАТО и от НАТО / Не останется следа! (Смех, аплодисменты). Даже зимой вы слышали гром / Это несли мы железный лом. / Собрано столько было!!! / Если его сложить в вышину, / Мост перекинется на Луну. / Вот мы какая сила! (Смех, аплодисменты). Растить телят и нам под стать. / Мы трудимся всем классом. / Нам тоже хочется догнать / Америку по мясу. (Общий смех, продолжительные аплодисменты)»²⁸.

Таким образом, смех занимал важное место в советской политической риторике. В этом плане рубеж 1950 – 1960-х гг. нельзя назвать уникальным, он продолжал традиции, которые сформировались ранее. Особенностью данного периода является значительная доля именно неформального, «простонародного» юмора. В целом же, смех на съездах выступал, прежде всего, как инструмент разоблачения и политической борьбы. Высмеивание противников и недостатков означало символическую победу над ними, при этом важен был коллективный смех, только он мог направить эмоции в нужное русло. Участники съезда объединялись в едином порыве, который формировался как спонтанно, так и сознательно. Сложно считать «смех в зале» позитивной эмоцией, конечно, для делегатов съездов он имел знак плюса, но при внимательном изучении за внешним «позитивом» можно разглядеть множество вариаций, от выражения солидарности, до выстраивания траектории агрессии.

¹ Автор выражает благодарность А.В. Бороненко и О.И. Шарафутдиновой за ценные замечания, плодотворное обсуждение и значительный вклад в создание данной статьи.

² Политбюро ЦК ВКП (б) и Совет Министров СССР. 1945 - 1953. М., 2002; Политбюро и крестьянство: высылка, спецпоселение 1930-1940 гг. В 2-х кн. М., 2005; Региональная политика Н.С. Хрущева. ЦК КПСС и местные партийные комитеты. 1953-1964 гг. М., 2009; Президиум ЦК КПСС. 1954-1964. В 3 томах. М., 2008-2010. и т.д.

³ Митрохин Н. Русская партия. Движение русских националистов в СССР. 1953-1985 гг. М., 2003; Сушков А.В. Президиум ЦК КПСС в 1957-1964 гг.: личности и власть. Екатеринбург,

2009; Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С. Подлинная история РСДРП-РКПб-ВКПб. Краткий курс. Без умолчаний и фальсификаций. СПб., 2010.; Лисин Б.К. Кадровая политика КПСС: социологические очерки. М., 2010. и т.д.

⁴ Плампер Я. Эмоции в русской истории // Российская империя чувств: Подходы к культурной истории эмоций. М., 2010. С. 32.

⁵ William M. Reddy. *The Navigation of Feeling: A Framework for the History of Emotions*. Cambridge, 2001.

⁶ Rappoport L. *Punchlines: The Case for Racial, Ethnic and Gender Humour*. Praeger Publishers, Westport, CT, USA, 2005.

⁷ Дмитриев А.Д. Социология юмора. М., 1996; Козинцев А.Г. Смех и антиповедение в России: Национальная специфика и общечеловеческие закономерности // Смех: истоки и функции. СПб., 2002. С. 147-173; Schutz С.Е. Cryptic Humor: The Subversive Message of Political Jokes // *Humor - International Journal of Humor Research*. Volume 8, Issue 1, P. 51–64; Weise R.E. Partisan Perceptions of Political Humor // *International Journal of Humor Research*. Volume 9, Issue 2, P. 199–208; Карагодина С.В. Козимо Медичи и Иван Грозный: природа смеха и природа власти // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2005. № 1 (19). С. 39-62; Bruce F.A. *Tiny Revolutions in Russia: Twentieth Century Soviet and Russian History in anecdotes*, Routledge, 2005; Hart, M., Bos, D. *Humour and Social Protest (International Review of Social History Supplements)*. Cambridge, 2008 и т.д.

⁸ Дмитриев А.В. Социология политического юмора. М., 1998. С. 57.

⁹ Ватлин А.Ю., Малашенко Л.Н. История ВКП(б) в портретах и карикатурах ее вождей. М., 2007; Голубева А.В. Визуальные образы войны в советской карикатуре межвоенного периода // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008; Токарев В.А. Польша под прицелом «часовых, вооруженных карандашом» (1939 год) // Очевидная история. Проблемы визуальной истории России XX столетия. Челябинск, 2008.

¹⁰ Abrahamian L. Lenin As a Trickster // *Anthropology & Archeology of Eurasia*. 1999. V.38. № 2. P. 7-26

¹¹ Горький М. В.И. Ленин. М., 1931. С. 36.

¹² РГАСПИ, ф. 558, оп. 11, ед. Хр. 27, л. 30.

¹³ Чуев Ф. Солдаты империи. М., 1998

¹⁴ Плампер Я. Алхимия власти. Культ Сталина в изобразительном искусстве М., 2010.

¹⁵ XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (б). Стенографический отчет. М., 1939.

¹⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет в 3 томах. М., 1962. Т. 3. С. 473.

¹⁷ XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет в 2 томах. М., 1956. Т.1. С. 582.

¹⁸ XXII съезд ... Т. 2. С. 537-539.

¹⁹ XX съезд ... Т.1. С. 282.

²⁰ Там же. С. 559.

²¹ Там же. С. 144.

²² XXI съезд Коммунистической партии Советского Союза. Стенографический отчет в 2 томах. М., 1959. Т. 1. С. 77.

²³ Там же. С. 552.

²⁴ XX съезд ... Т.1. С. 502.

²⁵ XXII съезд ... Т. 2. С. 369-370.

²⁶ Луначарский А.В. Будем смеяться // Собрание сочинений в 8 томах. Т. 3. М., 1964. С. 76.

²⁷ XXI съезд ... Т. 1. С. 144; Там же. Т. 2. С. 132; XXI съезд ... Т. 1. С. 129; Там же. С. 510; Там же. Т. 2. С. 158.

²⁸ XXII съезд ... Т. 2. С. 600-603; XXI съезд ... Т. 1. С. 517.

Опубликовано в книге: От великого до смешного... Инструментализация смеха российской истории XX века. Сборник статей / Под ред. Нарского И.В. и др. Челябинск: Каменный пояс, 2013. С. 110-118.

Об авторе.

Фокин Александр Александрович – кандидат исторических наук, доцент кафедры новейшей истории России, ФГБОУ ВПО «Челябинский государственный университет».